

С. В. Березкина

ИЗ ИСТОРИИ ПОСЛЕПУШКИНСКОГО «СОВРЕМЕННОКА» (1837)

1

Цензурная история послепушкинского «Современника» (1837) полна неясностей. Материалы для публикации в нем передавались в С.-Петербургский цензурный комитет, отсюда, при возникновении разного рода вопросов, шли по установленному порядку в Главное управление цензуры, во главе которого стоял министр народного просвещения С. С. Уваров, последовательный и – в тот момент – ярый недоброжелатель Пушкина. Причем параллельно продолжала существовать и еще одна цензура «Современника» и пушкинских публикаций в нем – царская. Николай I оставался в роли цензора Пушкина, причем с этой стороны история «Современника» 1837 г. освещена в научной литературе наименее полно. Есть лишь отдельные упоминания в работах и публикации (с локальными комментариями) эпистолярно-ведомственных материалов; к сожалению, полной картины всего, что происходило вокруг послепушкинского «Современника», они не дают, поскольку в них нет осмысления той стратегии, которую осуществлял в своих взаимоотношениях с Николаем I В. А. Жуковский.¹

Одна из самых запутанных цензурных историй связана с появлением в первом послепушкинском томе «Современника»² статьи Жуковского «Последние минуты Пушкина». Она состоит из трех частей: первая и последняя – это небольшая преамбула «Россия потеряла Пушкина...» и написанное А. И. Тургеневым послесловие о проходах тела поэта в Святогорский монастырь и погребении его; главная же имеет заголовок «Письмо к С. Л. Пушкину» и дату «15 февраля 1837». Статья была сильно изувечена цензурой, что стало ясно из публикации П. И. Бартенева 1864 г., в которой были приведены выре-

---

¹ Попытка такого рода была сделана в содержательной статье Г. В. Макаровской «...чтоб не пропала ни одна строка Пушкина...» (Волга. 1987. № 1. С. 135–169; № 2. С. 160–187), однако не со всеми сделанными в ней выводами можно согласиться.

² «Современник» был ежеквартальником. В 1837 г. вышло четыре тома – пятый, шестой, седьмой, восьмой. Таким образом, первым послепушкинским томом был пятый.

занные из нее отрывки по так называемой «цензурной рукописи».³ Еще одну публикацию этих отрывков дал в своей монографии П. Е. Щеголев – они отмечены в примечаниях к подготовленному им тексту письма Жуковского к С. Л. Пушкину.⁴ Собственно этой последней, тщательно подготовленной публикацией и исчерпываются отличия появившейся в «Современнике» статьи от подлинного (полного) текста письма Жуковского о смерти Пушкина, посланного его отцу.⁵ Нам неоднократно приходилось писать об этом эпистолярном документе – с обращением к сохранившимся рукописям Жуковского.⁶ При этом всегда оставались нерешенными вопросы, касавшиеся статьи «Последние минуты Пушкина»: как происходило ее редактирование, под воздействием каких факторов сжималась ее содержательная часть? И только после того, как в поле нашего зрения попала переписка (во всем своем объеме) Жуковского с В. Ф. Одоевским (а в 1837 г. он был его правой рукой в делах по пушкинскому изданию и «Современнику») и С. С. Уваровым, мы смогли ответить на эти вопросы.

Первоначальный замысел Жуковского был связан с публикацией в «Современнике» письма к Сергею Львовичу в большем объеме. Известно, что оригинал этого письма, посланный С. Л. Пушкину, до нас не дошел; есть сведения, что какое-то время он находился у бар. Е. Н. Вревской, а затем был отдан некоему коллекционеру автографов (для ознакомления), да так и пропал.⁷ Сохранившиеся копии письма имеют небольшие расхождения (в ряде случаев принципиаль-

---

³ Русский архив. 1864. № 1. С. 48–54.

⁴ *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. Пг., 1916. С. 25–53 (то же: [4-е изд.] М., 1987. С. 152–172).

⁵ В обзорах биографического характера (см.: *Левкович Я. Л.* Биография // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 264–265), а также комментариях и исследованиях (см.: *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. [4-е изд.] С. 152 и след.) не учтена первая выборочная (в пересказе) публикация письма Жуковского к Сергею Львовичу, осуществленная Д. Н. Бантыш-Каменским в статье о Пушкине в «Словаре достопамятных людей Русской земли» (СПб., 1847. Ч. 2. Прил. С. 92–105). Автор «Словаря» был знаком с отцом А. С. Пушкина и ссылался на его воспоминания в своей статье, здесь же он пересказал и записку Николая I к Жуковскому о милостях семье поэта, которую (в копии) мог у него видеть. Статья в «Словаре» имеет особую ценность как выборочная публикация впоследствии исчезнувшего подлинника письма Жуковского к Сергею Львовичу.

⁶ См.: *Березкина С. В.* «Заложенное имение отца очистить от долга...» // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2002. Вып. 28. С. 242–248. Кроме того, автором настоящей работы подготовлена публикация письма и комментарий к нему для полного собрания сочинений и писем В. А. Жуковского (начато изданием в 1999 г.).

⁷ См.: *Семевский М. И.* К биографии Пушкина // *Семевский М. И.* Прогулка в Тригорское: Биограф. исследования и заметки о Пушкине / Вступ. ст., сост. и примеч. С. В. Березкиной. СПб., 2008. С. 217–218.

ные со стороны содержания),⁸ причем наиболее авторитетные из них, с пометами и правкой Жуковского, связаны с подготовкой «Последних минут Пушкина». В составе собрания А. Ф. Онегина дошли до нас две тетрадки «в четверть» (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 18, № 33): первая (далее: Тетр₁) – писарская рукопись, с обильной правкой Жуковского, делавшейся, по крайней мере, в два этапа (по ней принято публиковать в эпистолярии Жуковского письмо его к С. Л. Пушкину, поскольку она дает самую полную редакцию), вторая (далее: Тетр₂) – перебеленная с первой чистая писарская копия, с многочисленными отчеркиваниями (отметками) карандашом. Эти отчеркивания с максимальной точностью соответствуют исключенным из «Последних минут» фрагментам (и переписанным отдельным выражениям) и сделаны, по-видимому, после выхода статьи (возможно, самим А. Ф. Онегиным-Отто).

Письмо о смерти поэта Жуковский писал, имея в виду ту миссию, которую ему предстояло выполнить. Уже отправляя его в Москву, он предупредил Сергея Львовича в особом, приложенном к нему послании: «Прошу тебя с этого письма ничего не печатать. Если позволят, я выписку из него напечатаю в “Современнике”». ⁹ Жуковский понимал, что напечатать эту «выписку» будет сложно, но что она чрезвычайно важна для России, для всего русского общества, потрясенного потерей своего любимого поэта. Прочитанное письмо к Сергею Львовичу было получено в Москве 22 февр., и, по-видимому, примерно в это же время Жуковский начал писать свою статью. С самого начала он знал, что в ней нельзя упоминать об обстоятельствах смерти Пушкина – дуэли, его противнике, смертельной ране. Каким образом он это узнал? Вероятнее всего, после разговора с самим императором, который согласился на публикацию какой-то «выписки». Однако не все моменты были прояснены, и Жуковский питал надежду на освещение такой важной стороны

---

⁸ РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 18, № 33 (в составе двух тетрадок); № 256 (так называемый цензурный экземпляр статьи «Последние минуты Пушкина», с правкой Жуковского и добавлениями А. И. Тургенева); № 257 (рукой неизвестного, под заглавием «Копия с письма В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину от 22-го февр. 1837-го года», с присоединением записки Жуковского к С. Л. Пушкину от 22 февр.); РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 83 (авторизованная копия, с пометами А. И. Тургенева). См.: *Данилов В. В., Султан-Шах М. П.* Документальные материалы об А. С. Пушкине: Краткое описание // Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1959. Вып. 8. С. 18, 20. О вновь найденных авторитетных копиях письма Жуковского см.: *Иезутова Р. В.* «Прости, мой бедный Сергей Львович...»: К письму В. А. Жуковского о смерти А. С. Пушкина // Наше наследие. 1990. № 4 (16). С. 40–43; *Седова Г. М.* Новый список письма В. А. Жуковского о смерти Пушкина из архива Дениса Давыдова: (Публикация и комментарий) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2006. Вып. 30. С. 5–38.

⁹ *Иезутова Р. В.* «Прости, мой бедный Сергей Львович...». С. 41.

в истории «последних минут Пушкина», как участливое внимание к умирающему Николаю I.

Статья «Последние минуты Пушкина» писалась Жуковским тяжело. В одном из его недатированных писем к Одоевскому читаем: «Пришлите мне, дядюшка, мою статью (не в лист, а в четвертку); мне она надобна нынче до обеда. Возвращу вам немедленно».¹⁰ Поскольку здесь же говорится о необходимости приняться «за разбор книг его <т. е. Пушкина> рукописных», мы датировали письмо временем после окончания жандармского обыска в архиве погибшего поэта, т. е. последними числами (после 25) февраля – первой декадой марта 1837 г. Речь в нем, по-видимому, идет именно о статье «Последние минуты Пушкина»: «в четвертку» – это рукопись, по формату совпадающая с тетрадками (из собрания Онегина) с письмом к Сергею Львовичу, «в лист» – это формат так называемой «цензурной рукописи» статьи. Работа над «Последними минутами» идет полным ходом, причем Жуковскому необходимо обращение к разным своим текстам.

Трудясь над «выпиской», Жуковский прибегнул к помощи своих друзей, в первую очередь А. И. Тургенева. Когда Тургенев писал в своем дневнике 3 марта 1837 г.: «Слушал письмо Жуковского к отцу Пушкина...», то, конечно, имел в виду статью на каком-то из этапов ее создания; 19 марта он вновь записал о ней: «...читал письмо Жуковского к отцу Пушкина с выпусками...»; наконец, в том же дневнике мы находим запись от 5 марта, указывающую на Тургенева как автора того послесловия к статье, которое рассказывало о погребении поэта.¹¹

Вскоре статья была представлена в С.-Петербургский цензурный комитет, и 28 марта 1837 г. А. Л. Крылов скрепил ее рукопись своей подписью. Последующая заминка с передачей «Последних минут Пушкина» в печать не вполне ясна, но можно предположить, что в дело вмешался С. С. Уваров. Статья (как «Письмо к С. Л. Пушкину», так и послесловие) содержала сообщения о действиях и словах императора и поэтому, согласно Уставу о цензуре, не могла быть пропущена цензором местного комитета. После разговора о статье с Уваровым, возглавлявшим Главное управление цензуры, Жуковский, по-видимому, был вынужден обратиться к Николаю I. Упоминание о царской цензуре содержится в двух письмах Жуковского к Уварову. «Мною же статью о Пушкине, – сообщал ему Жуковский, по-видимому, в начале апреля 1837 г., – я показывал государю; он приказал многое выбросить. Как скоро поспеет моя операция, представлю

¹⁰ РНБ, ф. 539, оп. 2, № 516, л. 1, без даты; напечатано: Русский архив. 1900. № 9. С. 53 (публ. И. А. Бычкова).

¹¹ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. [4-е изд.] С. 255.

вам статью в обоих видах». ¹² «Операцией» здесь называется изготовление новой белой рукописи с учетом замечаний Николая I. В письме к Уварову обращает на себя внимание тон упоминания Жуковским о своей статье: это продолжение какого-то их раннего разговора, который необходимо было продолжить.

Сохранившаяся цензурная рукопись содержит следы карандашных вычеркиваний, сделанных царем (это множественные, как бы чиркающие линии, без фиксации начала и конца фрагмента; карандаш тонкий, без нажима). ¹³ Суть замечаний Николая I Жуковский изложил в письме к Уварову (середина апреля 1837 г.) при передаче вновь подготовленной цензурной рукописи статьи: «Посылаю Вам, Старушка, официальное письмо, ¹⁴ при нем и сие небольшое Арзамасское завывание; а при сем Арзамасском завывании и статью о смерти Пушкина в двух, так сказать, экземплярах, с такой изъяснительной прибасенкою: экземпляр-де, означенный № 1, был представлен лично государю императору с просьбою о позволении напечатать в «Современнике». Государь, прочитав рукопись, сделал свои замечания и назначил, что выпустить. По указаниям государя я все выпустил, что относилось до него и где говорил о иностранцах поименно, что увидите сами, сравнив № 1 с безномерным экземпляром. Сей последний отдается в цензуру. Благоволите, батюшка Старушка, устремить на сии гусиным пером исчерканные страницы те части бытия вашего, в коих со времен Адама заключается зрительная способность сынов человеческих» (и т. д., в том же «арзамасском» духе). ¹⁵

В архивных описаниях цензурной рукописи собственноручные отметки Николая I не сертифицированы. Между тем именно эта рукопись сохранилась в составе бумаг С. С. Уварова; номер, о котором говорит в своем письме к нему Жуковский, был, по-видимому, на обложке, которая исчезла под переплетом (рукопись была красиво переплетена сыном Уварова). Другая цензурная рукопись, текст которой

---

¹² РО ИРЛИ, № 4867, л. 1–2; напечатано: *Модзалевский В. Б.* К истории «Современника»: (Письма В. А. Жуковского к С. С. Уварову) // Пушкин и его современники. СПб., 1906. Вып. 4. С. 87–88.

¹³ В рукописи есть и другие вычеркивания, с фиксацией начала и конца фрагмента, которые осуществлял, руководствуясь указаниями Николая I, по-видимому, сам Жуковский; кроме того, есть добавления на полях и правка в тексте карандашом (в двух местах чернилами) рукой А. И. Тургенева; чернилами рукой Жуковского вписаны заглавия всей статьи и второй ее части («Письмо к С. Л. Пушкину»), дата и подпись, а также внесен ряд исправлений.

¹⁴ Официальное письмо Жуковского в Главное управление цензуры неизвестно.

¹⁵ ОПИ ГИМ, ф. 17, № 62, л. 8; напечатано: *Мазур Т. П., Малов Н. Н.* Новые данные о Пушкине из архива С. С. Уварова // Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л., 1969. С. 25.

соответствовал появившемуся в печати, была передана в цензуру, а затем в типографию, где печатался «Современник»; до нас она не дошла.

Остановимся по возможности подробнее на тех фрагментах, которые Николай I не пропустил в печать. Еще П. Е. Щеголев, сравнивший текст статьи с письмом Жуковского к С. Л. Пушкину, заметил: «Очевидно, в печати Жуковский не мог или не должен был упоминать о том, что болезнь Пушкина была результатом дуэли, о том, как держал себя в этих обстоятельствах император Николай Павлович, и о том, какое отношение проявили в этом случае некоторые иностранные дипломаты, как барон Барант и барон Люцероде». Эти «умолчания» Жуковского казались Щеголеву странными: «...если статью Жуковского прочтет человек, не слыхавший, что Пушкин дрался на дуэли и был ранен, он никогда не узнает и не поймет, отчего же помер Пушкин и зачем ему нужно было прощение государя».¹⁶ Щеголев упрекал Жуковского в умолчаниях и прямых искажениях речи Пушкина; его точка зрения получила повсеместное распространение в пушкиноведении. А между тем к моменту издания его книги о дуэли Пушкина все-таки было напечатано одно письмо Жуковского к Уварову (см. примеч. 12), которое недвусмысленно свидетельствовало о цензуре Николая I.

Из письма Жуковским на разных этапах работы над статьей были удалены следующие фрагменты:¹⁷

1. От слов «И между всеми русскими особенную потерю в нем сделал сам государь» до «благодарности, которая более и более проникла душу Пушкина и наконец слилась в ней с поэзией». Под благодарностью, конечно же, подразумевалось чувство Пушкина к государю.

2. Фраза о том, что «государь потерял в нем свое создание».

3. Фрагмент о том, что «государь до последней минуты Пушкина остался верен своему благоворению» и что в «голосе царском» сказались «любовь к народной славе и высокий приговор нравственный».

4. Фраза «он смертельно ранен».

5. Большой фрагмент о дуэли (встреча с Данзасом, условия дуэли, последние часы перед отправлением на Черную речку, сам поединок, поведение дуэлянтов, дорога домой). В итоге, с учетом этой купюры, получилась фраза: «Вот что рассказали мне о случившемся: в шесть часов после обеда Пушкин привезен был в этом отчаянном положе-

---

¹⁶ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. [4-е изд.] С. 142.

¹⁷ Сопоставительный анализ письма и статьи Жуковского см. также: Левкович Я. Л. В. А. Жуковский и последняя дуэль Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 146–156; Иезуитова Р. В. Письмо В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину: (К истории текста) // Там же. С. 157–168.

нии домой» (посредине этой фразы – на месте двоеточия – должен был находиться вычеркнутый фрагмент).

6. Слова «о моей ране» (получилось: «о моем положении»), а также фраза Пушкина о выстреле и большой потере крови по дороге с Черной речки.

7. Фраза о «внутреннем кровотечении».

8. Еще одна фраза о том же, связанная с мерами доктора Арендта.

9. Фрагмент с просьбой Пушкина к Арендту, уезжавшему во дворец, о прощении от государя себе и Данзасу (секунданту).¹⁸

10. «Мы все» в словах «В это время уже собрались мы все» (далее называются друзья Пушкина).

11. «Ее <т. е. Натальи Николаевны> присутствия» в выражении «Он боялся ее присутствия».

12. Слова «о поединке» (Пушкин о нем в статье вообще не упоминает), имя Данзаса и далее просьбы к друзьям «не мстить» Геккерну.

13. Большой фрагмент о возвращении Арендта, привезенном им письме от государя, намерении Николая I ожидать известия об исполнении Пушкиным христианского долга и лирические излияния по этому поводу Жуковского.

14. Слова о страданиях Пушкина, кровотечении.

15. Фрагмент о прощании с Вяземским и Виельгорским (первоначально отчеркнут в рукописях из архива Онегина, а потом восстановлен).

16. Большой фрагмент, начинающийся с возвращения Арендта, об отъезде Жуковского во дворец и беседе с Николаем I, а также поручении опечатать после смерти поэта его бумаги.

17. Слова «произвольном, ничем не подготовленном», касающиеся «движения» в выражении «чувства национальной, общей скорби».¹⁹

18. Фрагмент об ожидании и получении известий императором и великой княгиней Еленой Павловной, а также о сочувствии государя к «отечественной славе» и его «нравственной связи» с народом; о государе, в котором народ видит «представителя своей чести».

19. Слово «нечаянностью» применительно к проявлению сочувствия в иностранцах.²⁰

20. Фрагмент о Баранте и его приезде на квартиру Пушкина.

---

¹⁸ В тексте статьи осталась просьба Пушкина только о себе, причем она была Жуковским переставлена в другое место.

¹⁹ Для правительства это был принципиальный момент, поскольку его меры, направленные против выражений народной скорби, оправдывались ожиданием выступлений «либеральной партии», главой которой считался Пушкин.

²⁰ Вновь принципиальный момент, поскольку правительство желало всячески сгладить конфликт, вызванный убийством русского поэта иностранцем.

21. Фрагмент о Люцероде, саксонском посланнике, и проявлении его сочувствия в день похорон Пушкина.

22. О беседе Жуковского с императором после смерти Пушкина.

23. Мысли Жуковского о единстве всех приходивших на квартиру ко гробу Пушкина со своим государем, о царских благодеяниях поэту и его семье, о народных молитвах за государя.

На последнем этапе цензурования статьи Жуковского в ней Николаем I были отмечены как нежелательные следующие фрагменты: 1–3, 13, 16–23.²¹ Именно их исключение превратило письмо в небольшую статью о «последних минутах Пушкина». При доработке статьи по указаниям императора Жуковский использовал рукопись Тетр₁, в которой сначала обводил исключенные фрагменты, а потом дорабатывал оставшийся текст, связывая его воедино.

Почему Николай I повелел исключить все фрагменты, рисующие его участие в трагических событиях? Потому что они возвышали Пушкина в глазах всей России. Общественное мнение послушно повлеклось бы за идеей величия поэта, утверждаясь в мысли о его близости к царю. Это была бы очень быстрая «реабилитация» Пушкина, «худого христианина» и «безнравственного» человека в восприятии достаточно широких кругов. Курса на его «реабилитацию» держался Жуковский, уязвленный теми мерами, которыми были обставлены похороны поэта. Его позиция стала твердой и по-своему наступательной после окончания «жандармского обыска», в ходе которого не было найдено в пушкинском архиве ничего противоправительственного (это сказалось в его письме к А. Х. Бенкендорфу о смерти Пушкина, которое без этих результатов «обыска» просто не было бы написано). Николай I не мог не заметить этих настроений Жуковского и по-своему сопротивлялся им. Он отказался придать публичность своим мерам помощи семейству Пушкина, посчитав неправомерным сравнение погибшего поэта с Карамзиным. И когда царь отмечал для вычеркивания фрагменты о себе и своем участии в умирающем Пушкине, то делал это не из «скромности»: пафос утверждения национального значения поэта, пронизывавший все эти фрагменты, был чужд Николаю I. Жуковский придавал его действиям какой-то утопический и крайне нежелательный смысл. Это была идеология, которой Николай I сочувствовать не мог, поскольку идея всенародной скорби и единства в этом чувстве императора со своим народом косвенным образом задевала, принижая, те петербургские круги, которые поддерживали Дантеса и которые были реальной опорой трона.

---

²¹ Вычеркнул Николай I и слова из послесловия Тургенева: «коего государь император назначил отдать последний долг умершему и предать его земле». Таким образом, царь не дал «возвеличиться» перед публикой и Тургеневу за счет своего поручения ему.

Хорошо известно, что письмо создавалось не только для отца поэта, но, если можно так сказать, и для всей России. Своим появлением оно было обязано мысли о потребности распространения в широких общественных кругах сведений, раскрывающих суть произошедшего в конце жизни Пушкина. После разговора с царем и доработки статьи Жуковский послал Уварову две рукописи – одну с отметками императора (для сверки), другую цензурную. Поразителен контраст «арзамасского» тона письма Светланы и содержания с ним посылаемой Старушке статьи (конец письма Жуковского: «Впрочем, желаю Вам всякого благополучия, а за скорое исполнение просьбы моей пришло Вам из Арзамаса, в коем надеюсь быть, жирную гусиную гуску, с коей честь имею быть Светлана»).²² Создается впечатление, что в целом Жуковский остался удовлетворен своим разговором с Николаем I: он открыто выразил перед ним свое мнение, тот ознакомился с ним и не высказал осуждения личного плана. Но правка царя на рукописи уничтожила ценнейшую для русского читателя часть статьи, и единственное, что оставалось Жуковскому, это назвать ее «Последними минутами Пушкина» (именно о них была сказана на журнальных страницах правда, поскольку все остальное представляло собой сугубое умолчание).

Цензурная история статьи о Пушкине показывает, в каких сложнейших условиях осуществлялась деятельность Жуковского по изданию «Современника». Попытку провести в печать статью, в которой говорилось бы о гибели Пушкина как общенациональной потере, о народной скорби и единодушии с ней Николая I, осуществить не удалось. В апреле 1837 г. Жуковский написал Одоевскому: «Статью мою о Пушкине печатайте, как велит цензор...».²³ При доработке статьи с цензором в ней были сделаны еще мелкие исправления. Согласие на любую правку в «Последних минутах Пушкина» было выражено человеком, уставшим от борьбы за статью, с которой у него было связано столько надежд. Публикация ее в том виде, в каком она была показана царю, означала бы победу над врагами Пушкина, которую хотел одержать Жуковский.

2

В феврале–апреле 1837 г. (до отъезда с наследником вел. кн. Александром Николаевичем в путешествие по России) Жуковский неоднократно обращался к Николаю I по поводу пушкинского изда-

---

²² Мазур Т. П., Малов Н. Н. Новые данные о Пушкине из архива С. С. Уварова. С. 25.

²³ РНБ, ф. 539, оп. 2, № 516, л. 17, без даты; напечатано: Русская старина. 1901. № 7. С. 106–107 (публ. И. А. Бычкова).

ния и «Современника». Несомненно, нам здесь известно далеко не все, но и имеющиеся упоминания рисуют сложную картину придворной жизни, в которой Жуковский старался найти выход в крайне неблагоприятных для памяти о Пушкине условиях. В этом разделе статьи мы хотели бы лишь перечислить известные по разным источникам эпизоды.²⁴

К концу февраля 1837 г. (т. е. к моменту окончания «посмертного обыска» в бумагах Пушкина) мы относим следующую записку Жуковского: «Государь желает, чтобы эта молитва была так факсимилирована, как есть, с рисунком. Это хорошо будет в 1-ой книжке “Современника”». ²⁵ Адресована она была, конечно же, Одоевскому.²⁶ Речь в записке идет об автографе стихотворения Пушкина «Отцы пустынноики и жены непорочны...» (1836) и рисунке на нем, изображающем монаха в келье. Стихотворение представляет собой переложение великопостной молитвы Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего...». Факсимиле автографа было вклеено в том пятый «Современника».

Автограф стихотворения Жуковский нашел во время «посмертного обыска» в бумагах Пушкина. Он, как интерпретировал события Эйдельман, «понес пушкинский листок царю и царице. Николай воспринял это как “благочестие нечестивца” и велел как можно шире о том сообщить <...>. Вот для чего Жуковский велит издателям <...> факсимилировать текст с рисунком (доказательство подлинности)». ²⁷ Открытие религиозной составляющей в жизни поэта, действительно, входило в планы Жуковского, поскольку он старался очистить его от репутации «худого христианина». Так думал Николай I, слова которого (из разговора с Жуковским) были переданы в письме А. И. Тургенева А. И. Нефедьевой от 1 февр. 1837 г.: «”...ты видишь, что мы насилу довели его до смерти христианской” (разумея, вероятно, совет государя исповедаться и причаститься) <...>. – Конечно так:

---

²⁴ Среди них, возможно, был и эпизод, связанный с «Медным всадником». В источниках нет сведений о представлении поэмы Николаю I весной 1837 г., однако миновать его «Медный всадник» мог только в том случае, если при сравнении двух рукописей – первой, в которой делал отметки царь, и другой, отредактированной Жуковским, – у цензуры не возникло каких-либо вопросов; это, однако, представляется маловероятным. Ср.: *Осват А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальную повесть сохранить...». М., 1987. С. 93.

²⁵ Черниговский исторический музей, № 157, без даты; напечатано: Труды Черниговской губернской архивной комиссии. Чернигов, 1899–1900. Вып. 2. Отд. I. С. 18.

²⁶ Н. Я. Эйдельман связывал записку с «В. Ф. Одоевским, П. А. Плетневым или П. А. Вяземским, занимавшимся изданием “Современника” после гибели Пушкина» (*Эйдельман Н. Я.* Пушкин: Из биографии и творчества (1826–1837). М., 1987. С. 399; здесь же сведения об архивном хранении записки).

²⁷ Там же.

государь не мог выхвалять жизнь Пушкина, умершего на поединке и отданного им под военный суд...».²⁸ Представление Николаю I автографа с «молитвой» было со стороны Жуковского продолжением того разговора о религиозности Пушкина, причем он явным образом хотел изменить его мнение.

Николаю I Жуковский показывал стихотворение Пушкина «Была пора: наш праздник молодой...» (1836), о чем он сообщил Одоевскому в письме от последних чисел марта–первых чисел апреля 1837 г.: «Я вчера писал о стихах Пушкина к Уварову».²⁹ Сохранилось и письмо с упоминанием этого стихотворения к Уварову, которое мы датируем так же, как и письмо к Одоевскому: «Прошу Вас, любезнейший Сергей Семенович: Крылов не пропускает последних стихов в представленной мною Вам пиесе. За что? Разве уж нельзя сказать, по его мнению, что государь наш начал царствовать и что были бурные времена с того времени. Были две войны, и даже об этом были напечатаны реляции. А этих стихов мне жаль не напечатать, потому что на них остановился Пушкин; он не докончил этой пиесы, смерть пришла прежде, нежели полустуши; это трогательно и [нрзб]. Разрешите, прошу Вас. Эту же пиесу я лично читал государю, и она ему особенно понравилась».³⁰ Полностью последнее четверостишие Жуковскому отстоять не удалось: два последних стиха с упоминанием «новых туч» были отброшены, а стихи с характеристикой («нового царя») видоизменены. Таким образом, замысел показать в публикации «смертный» обрыв стихотворной речи Пушкина осуществить Жуковскому не удалось.

Вероятнее всего, не обошлось без вмешательства императора и при провозждении через цензуру отрывка из записки Карамзина «О древней и новой России», которому решительно отказывал в праве на публикацию Уваров. Он запретил эту публикацию еще при жизни Пушкина, не позволив представить подготовленный отрывок на рассмотрение императора. Жуковский одержал победу благодаря своей настойчивости.³¹

²⁸ Цит. по: *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. [4-е изд.] С. 147.

²⁹ РНБ, ф. 539, оп. 2, № 516, л. 17, без даты; напечатано: Русская старина. 1901. № 7. С. 106–107.

³⁰ ОПИ ГИМ, ф. 17, № 62, л. 14; напечатано: *Мазур Т. П., Малов Н. Н.* Новые данные о Пушкине из архива С. С. Уварова. С. 25.

³¹ Первое из известных писем Жуковского к Уварову о записке Карамзина (середина марта 1837 г.): «Посылаю вам, Старушка, список Карамзина с ответом Крылова. Просмотрите его сами; увидите, что запрещать нечего. Я выбросил, по найденным мною отметкам и многие страницы, скрепясь, еще прежде представления в цензуру. Некоторые я сам без всяких отметок исключил. Прошу Вас разрешить его напечатать и, если можно, не задержите сего разрешения, ибо нам пора печатать № 1 “Современника”» (Автограф в Отделе рукописей Библиотеки университета Амстердама (Нидер-

Представлял Жуковский Николаю I и статью Пушкина «Записки бригадира Моро-де-Бразе (касающиеся до Турецкого похода 1711 года)» (1835), запрещенную в 1836 г. Уваровым.³² В письме к председателю С.-Петербургского цензурного комитета кн. М. А. Дондукову-Корсакову от 2 апр. 1837 г. Жуковский писал (цитируется по зачеркнутой приписке к черновому автографу): «Прилагае<мый> при сем манускрипт записок Моро де Брезе, переведенных Пушкиным, был мною представлен Государю Императору, как то увидите из собственноручной надписи Его Величества на записке моей, которую сообщая В<ашему> С<иятельству> и прошу мне возвратить. Манускрипт же прошу Вас благоволить отдать для прочтения цензору Никитенке. Обращаюсь с этой покорною просьбою прямо к В<ашему> С<иятельству> для того, что по причине скорого отъезда желал бы, чтобы мне поскорее был возвращен сей манускрипт».³³ Дондуков-Корсаков ответил Жуковскому 4 апр. 1837 г.: «Спешу доставить к Вашему Превосходительству отношение, касающееся печатания полного издания сочинений покойного Пушкина и, возвращая письмо Ваше о Записках Моро де Беазе, имею честь уведомить, что рассмотрение их, согласно желанию Вашему, поручено мною цензору Никитенке».³⁴

Статья «Записки бригадира Моро-де-Бразе...» была напечатана в шестом томе «Современника» с многочисленными цензурными купюрами.³⁵ Таков был механизм цензурования произведений Пушкина: царь давал добро на публикацию произведения, подчеркивая при этом, что дальнейшее рассмотрение его должно происходить по установленному законом порядку.

ланды); копия: РНБ, ф. 601 (Половцовы), № 2068, л. 41). См. также другие письма Жуковского к Уварову, в которых упоминается сочинение Карамзина (перечень писем (все они без даты) выстроен нами в хронологическом порядке): РО ИРЛИ, № 4867, л. 1–2 (напечатано: *Модзалевский В. Б.* К истории «Современника». С. 87–88); ОПИ ГИМ, ф. 17, № 62, л. 8 (напечатано: *Мазур Т. П., Малов Н. Н.* Новые данные о Пушкине из архива С. С. Уварова. С. 25); РО ИРЛИ, № 4867, л. 3–4 (напечатано: *Модзалевский В. Б.* К истории «Современника». С. 88–89). См. также обмен письмами между Жуковским и М. А. Дондуковым-Корсаковым 7–15 апр. 1837 г.: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 71, 105 (напечатано: *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 111–112).

³² С просьбой о публикации статьи Пушкин обращался в письме от 31 дек. 1835 г. к Бенкендорфу, который начертал на нем: «Государь позволил через Цензуры, о чем уведомить Уварова» (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 16. С. 69–70).

³³ РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 18, № 169, л. 1 об. Официальное письмо Жуковского к Дондукову-Корсакову не сохранилось.

³⁴ Там же, № 171.

³⁵ Об этой статье см.: *Карнов А. А.* «Записки бригадира Моро-де-Бразе» как произведение Пушкина // *Болдинские чтения.* Горький, 1980. С. 103–114.

Конец марта—начало апреля 1837 г. — период наиболее частых обращений Жуковского к Николаю I по поводу Пушкина. Самой большой его удачей было получение разрешения царя на выход всех шести томов сочинений Пушкина 31 марта 1837 г. Жуковский возмутился назначением двух цензоров на издание, которые должны были заново пересматривать то, что было напечатано при жизни Пушкина. Вот черновое письмо Николаю I, которое Жуковский написал 30 марта, но в ход не пустил:

«На объявлении о сочинениях Пушкина Вашим Им<ператорским Величеством> написано следующее: <Согласен, но с условием выпустить все, что неприлично из читанного мной в “Борисе Годунове”, и строжайшего разбора еще неизвестных сочинений>.³⁶ Вследствие сего позволения³⁷ я представил в Цензуру полное собрание одних *напечатанных* сочинений, на кои уже открыта подписка, сообразно одобренному В<ашим> В<еличеством> объявлению. Но узнав, что к цензору Никитенко, коему передан был доставленный мною экземпляр для одобрения,³⁸ присоединен другой цензор Крылов и с тем, чтобы все напечатанные сочинения Пушкина, уже В<ашим> В<еличеством> одобренные, он бы пересмотрел снова, я, как заведывающий по в<оле> Ваш<его> В<еличества> сим изданием, признал необходимым всеподданейше испросить у В<ашего> Им<ператорского> В<еличества>, чтобы Вы благоволили повелеть пропустить сочинения Пушкина в том виде, в каком они с В<ашего> соизволения уже напечатаны.

В сем случае вместо того, чтобы желать уклонения от установленного порядка, я желаю, напротив, чтобы то, что сделалось законным <порядком>, таковым и осталось. Всем известно, что В<аше> В<еличество> был цензором Пушкина, что Вы читали его сочинения в манускриптах, что делали замечания и что после Ваших <?> замечаний <?> были они поправлены! Ваш суд произнесен: кому же остается какая-нибудь возможность изменить решенное Вами? И будет ли прилично, чтобы одобренное В<ашим> В<еличеством>, было³⁹ подвержено [новому] суду⁴⁰ обыкновенных цензоров, с правом утвердить или не утвердить то, что уже раз было утверждено Вашим верховным мнением?⁴¹ Сверх того, если новый пересмотр сочинений Пушкина будет сделан с тем, чтобы в новом издан<ии> исключить некоторые места, могущие показаться цензором, несмотря на Ваше одобрение, непозволенными, то эта мера (вот ее

---

³⁶ Написано на записке Жуковского о пушкинском издании; эта резолюция Николая I датируется 20–22 февр. 1837 г. по сообщению о ней в дневнике А. В. Никитенко (запись от 22 февр. 1837 г.) (*Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М., 1956. Т. 1. С. 198*). См.: *Данилов В. В., Султан-Шах М. П. Документальные материалы об А. С. Пушкине: Краткое описание. С. 32 (№ 216)*.

³⁷ Вместо слов «Вследствие сего позволения» было сначала написано: Почитая это подтверждением прежних повелений, сделанных В<ашим> Им<ператорским> В<еличеством> самому Пушкину

³⁸ Первоначально было написано: просм<отра>

³⁹ Здесь вписано сверху: хотя б частично <?> <2 слова нрзб>.

⁴⁰ Далее было первоначально написано: — я признаю ошибочность назначения це<нзором> Крылова с отстранением <?> честных цензоров. Сверх того замену и тем следственно

⁴¹ Далее начато: Прибавлю здесь еще одно замечание. Если этот пересмотр цензуры

неприличие) произведет действие совершенно противное тому, какое произвести бы ей следовало. Пушкина сочинения у всех в руках; публика узнает о сделанных исключениях, и пьесы, исключенные, если такие найдутся, теперь устарелые и незаметные в числе прочих,⁴² получают вдруг цену новости, на них особенно обратится любопытство читателей с злорад<н>остью превратных толков, и подписчики на новое издание все сии разности <выпишут> <?> из старых <изданий>, и таким образом то, что теперь невинно и безвредно, приобретет по обыкновению <?> и виновность и зловерность.⁴³

Государь, не откажите мертвому Пушкину в том, что Вы сами сделали по указанию Вашего сердца, даровав ему, живому, в покровительстве произведениям его Гения, которые < >».⁴⁴

Оставив письменное обращение в своих бумагах, Жуковский обратился напрямую к императору и получил разрешение к публикации всех шести томов, разрушив тем самым козни Уварова.⁴⁵

В преддверии своего отъезда из Петербурга в первых числах мая 1837 г. Жуковский успел сделать многое для успешного продвижения дел по пушкинскому изданию и «Современнику». Он показывал Николаю I те произведения, которые предназначались в том не только пятый, но и шестой, редактировал их (т. е. переписывал какие-то фрагменты и строки Пушкина) на предмет возможных цензурных неувязок, согласовывал состав томов, раздавал списки пушкинских текстов издателем.⁴⁶ К Пасхе, которая пришлась в 1837 г. на 18 апр., Жуковскому, просматривавшему в ожидании заутрени вместе с Одоевским несколько отпечатанных листов корректуры, стало даже казаться, что дело «в шляпе».⁴⁷ А между тем до выхода пятого тома «Современника» было еще очень далеко...

Первоначальное распределение по томам издателей, сделанное Жуковским в феврале 1837 г., было нарушено по просьбе Вяземского, который не хотел заниматься «летним» номером. Жуковский не мог ему в этом отказать и – уступил. После того, как он покинул Петербург, т. е. в мае 1837 г., Одоевского начали настораживать темпы продвижения первого послепушкинского тома. Князь Одоевский решил высказать это князю Вяземскому и получил от него следующий

---

⁴² Вписано несколько слов (нрзб.), не зачеркнуто.

⁴³ Далее было написано: каковых в них действительно не находится.

⁴⁴ РО ИРЛИ, ф. 244, он. 18, № 164.

⁴⁵ В итоге на тома с уже вышедшими произведениями Пушкина был назначен лишь один цензор – для сверки с опубликованными текстами. Подробнее см.: *Березкина С. В.* Жуковский в делах Опекы над детьми и имуществом Пушкина // Жуковский: Материалы и исследования. Томск, 2010. Вып. 1. С. 428–435.

⁴⁶ Что не помешало им, т. е. Вяземскому, Одоевскому, Плетневу и Краевскому, перепутать и потерять какие-то списки, в частности «Каменного гостя»: его искали до тех пор, пока Жуковский не сообщил Вяземскому в письме о планах продажи этого произведения А. Ф. Смирдину.

⁴⁷ РНБ, ф. 539, оп. 2, № 516, л. 2, письмо к Одоевскому, без даты; напечатано: Русская старина. 1901. № 7. С. 106.

ответ: «Что Вы на меня изволите клепать, Ваше Сиятельство, будто я держу корректурные листы у себя по неделям. Никогда не бывали они у меня долее суток, а ко мне носят их редко, на что я Вам и жаловался, и никогда за ними обратно из типографии не приходят, на что я и жалуясь».⁴⁸ Так вот, оказывается, в чем была причина с задержкой тома! Корректуры (а их должно было быть не менее трех, причем редактору предназначалась, чаще всего, предпоследняя) Вяземский прочитывал быстро, но только после этого неделями ожидал, чтобы за ними явились к нему из типографии... Об этом обстоятельстве Одоевский мог знать доподлинно, поскольку управляющий типографией Б. А. Врасский был его родственником по жене. Итог был неутешительный: первый том опоздал на два месяца,⁴⁹ к тому же был настолько плохо вычитан, что Погодин пришел в ужас (может быть, из-за опоздания со сроками выхода сократили количество корректур?).

Жуковский, конечно же, недаром поставил на первый послепушкинский том скромного, исполнительного и аккуратного Плетнева. Вяземский не лучшим образом справился с ролью издателя. Плетнев же сумел уложиться со своим последним томом в срок, завершив тем самым выпуск «Современника» 1837 г. в пользу детей Пушкина.

---

⁴⁸ РНБ, ф. 539, оп. 2, № 516, л. 14, без даты; Русская старина. 1901. № 7. С. 78.

⁴⁹ См.: *Основат А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальну повесть сохранить...». С. 84.